

Лэ Юй вдруг рассмеялся и сказал:

— Мастер видел мою мать или знал моего отца, что так настойчиво хочет меня спасти?

Монах ответил:

— Стыдно признать, я давно слышал о бывшем правителе острова, но не имел чести встретиться с ним. Что касается вашего отца... говорить о знакомстве и вовсе не приходится. Я всегда восхищался изысканностью и свободой «Искусства правильного пути», и раз уж судьба свела меня с вами, значит, это воля небес, чтобы я спас вас.

Лэ Юй сказал:

— Значит, если вы не спасёте меня, вам будет не по себе, а если спасёте, то мне будет не по себе. Я предлагаю вам пари — вы монах, осмелитесь ли вы заключить его со мной?

Монах задумался и сказал:

— Благодетель обладает небесными дарами, и я думаю, что боги и Будда не осудят меня, если я заключу с вами пари ради вашего спасения.

Лэ Юй сказал:

— Я знаю одного монаха, который ест мясо и пьёт вино, он чужак. Но теперь я вижу, что вы, настоящий монах, тоже человек необычный.

Монах произнёс молитву, а Лэ Юй продолжил:

— Говорят, что на горе у храма Холодной Сосны есть тигр, который часто убивает зверей и даже нападал на людей.

Монах подтвердил:

— Это правда.

Лэ Юй сказал:

— Если мастер сможет заставить тигра перестать убивать зверей и людей, я позволю вам спасти меня.

Через четыре дня Лэ Юй нёс сутры в гору и услышал шорох на тропе среди сосен. Обернувшись, он увидел, что в зелёном сосновом лесу лежит золотистый полосатый тигр. Его лапы были вытянуты вперёд, когти вцепились в расщелину в камне, и он вёл себя необычайно покорно, издавая тихие звуки.

Тигр, словно ожидая его, повёл его вглубь леса, петляя среди деревьев. В глубине, где свет

пробивался сквозь листву, на широком плоском камне сидел серый монах, читая:

— Будда сказал Субхути: Все бодхисаттвы-махасаттвы должны так покорять свои сердца. Все живые существа, рождённые из яйца, из утробы, из влаги, из превращения... имеющие форму, не имеющие формы... имеющие мысли, не имеющие мысли, не имеющие ни мыслей, ни отсутствия мыслей... я привёл их всех к нирване без остатка...

Перед ним лежала лисица, её лапы были прижаты к шее, глаза закрыты, и даже когда тигр подошёл, она не шевельнулась, словно камень в горах.

Тигр, тихо рыча, обошёл монаха и лисицу несколько раз, затем сел рядом с камнем, на котором сидел монах, опустил голову и стал слушать, как страж.

Только тогда монах закрыл рот, открыл глаза и с улыбкой посмотрел на Лэ Юя. Лэ Юй хлопнул в ладоши и сказал:

— Тигр покорился, лисица слушает учение. Теперь я знаю, что истории в сутрах не всегда вымысел.

Как только чтение сутры прекратилось, лисица подняла хвост, перевернулась и побежала в лес. Тигр также удалился. Монах сказал:

— Я выполнил своё обещание, благодетель, надеюсь, вы тоже сдержите своё слово.

Лэ Юй спросил:

— Выиграв пари, вы хотите, чтобы я только переписывал сутры? Не заставляете меня постричься и стать монахом?

Монах на мгновение замер, затем рассмеялся:

— Как я могу! Ваш род передаётся из поколения в поколение, и если я уведу вас в монахи, боюсь, что ночью мне приснится ваш предок, который спросит с меня.

Лэ Юй сказал:

— Просто переписывая сутры, я могу избавиться от внутреннего демона?

Монах ответил:

— Всё зависит от веры. Если вы не хотите выйти из моря страданий, какая польза от пострига? Если вы готовы очнуться и вернуться, вам не нужно читать сутры, вы можете стать Буддой прямо здесь. В сутрах есть великая мудрость, и хотя другие могут переписывать их без пользы, с вашим талантом, если вы будете усердно читать и впитывать их, вы сможете обрести мудрость как меч, чтобы уничтожить внутренних демонов.

Лэ Юй на мгновение замолчал, вспомнив лицо красавицы, полное любви и ненависти, в море крови. Его сердце дрогнуло, и лишь через некоторое время он сказал:

— Я уже говорил вам, что мой внутренний демон — это чувства. Но раз вы выиграли пари, я попробую.

С тех пор Лэ Юй каждый день приходил к камню под сосной, чтобы обсуждать сутры с монахом. Даже когда он приходил с вином, монах лишь улыбался и не возражал, говоря:

— Мир — это море страданий, и если благодетель смотрит на него сквозь дымку опьянения, разве это не радость?

Они говорили с удовольствием, и монах научил его «Мантре очищения сердца», которая успокаивала дух и сдерживала злобу, но внутренний демон всё ещё не был побеждён. Монах несколько раз советовал:

— Внешность — это иллюзия, красота — это лишь кости. Вы можете презирать славу и богатство, почему же вы не можете увидеть, как красота обманывает?

Лэ Юй, сидя напротив него, сказал:

— Мастер, я могу увидеть сквозь тысячи видов красоты, но только одна из них трогает меня.

Монах вздохнул и не стал продолжать. Лэ Юй же спросил:

— Почему вы хотите спасти меня? В первый день вы сказали, что я «связан с небесной судьбой и имею великую возможность». Имели ли вы в виду «великого гроссмейстера, избранного небесами»?

Монах глубоко посмотрел на него и тихо сказал:

— Благодетель действительно знает о «великом гроссмейстере, избранном небесами». Не скрою, я не только верю, что у вас есть возможность стать гроссмейстером, но и уверен, что вы станете великим гроссмейстером, избранным небесами.

Лэ Юй остался невозмутим и сказал:

— Как вы можете быть уверены, что это я? Даже если у меня действительно есть судьба стать великим гроссмейстером, княжна Яо из Северной Хань имеет ту же судьбу. Я уже погрузился в демонов, как я могу сравниться с её безупречным стремлением к боевым искусствам и её решительностью?

Монах покачал головой:

— Благодетель, в этом и проблема. Если не вы, то княжна Яо из Северной Хань. Вы не связаны ни с одной страной, и даже став гроссмейстером, вы не будете поддерживать ни одну из них. Но княжна Яо, хотя она и светла, как луна и ветер, является членом царской семьи Северной

Хань, получает поддержку всей страны и обязана служить своему государству. Сейчас все гроссмейстеры Центральных равнин находятся в упадке, и если она первой достигнет уровня гроссмейстера, а затем станет великим гроссмейстером, никто в мире не сможет противостоять ей — правитель Северной Хань обязательно воспользуется этим, чтобы напасть на Центральные равнины. Тогда земля превратится в выжженную пустыню, и миллионы людей погибнут!

Лэ Юй на мгновение замолчал, а монах, говоря это, вдруг заплакал:

— В конце династии Чжоу мир погрузился в хаос, и Центральные равнины обрели мир всего тридцать лет назад. В те времена я был десятилетним ребёнком, и я до сих пор помню, как люди теряли свои дома и семьи во время войны... Я не могу позволить людям снова страдать, поэтому я настаиваю на том, чтобы спасти вас.

Чань-буддийский монах, который обычно не кланялся даже правителям, поклонился Лэ Юю и сказал:

— Умоляю вас, ради благополучия народа, взять меч мудрости и уничтожить внутреннего демона!

Лэ Юй не двинулся и лишь сказал:

— Чем я заслужил ваш поклон?

Монах, увидев его выражение, почувствовал холод в груди и срочно сказал:

— Благодетель!

Перед глазами Лэ Юя был Сяо Шанли, который в двенадцать лет покинул остров и путешествовал по миру, смеясь над людьми, страдающими от эмоций, считая их глупыми, но теперь он сам испытал, что такое муки любви. Лицо, превосходящее всю красоту мира, смотрело на него с любовью, окружённое горами костей и морем крови. Лэ Юй почувствовал абсурдность этого и резко сказал:

— Как вы говорите, если я не отрекусь от одной тоски, я предаю весь мир?

Лэ Юй рассмеялся, и иллюзии в его сердце стали как демоны. Был ли этот внутренний демон Сяо Шанли, или демон принял его облик? Он видел, как иллюзия, полная радости и печали, говорила:

— Ты обещал защищать меня, не позволить никому причинить мне вред, а теперь ты сам хочешь убить меня?

Монах смотрел на него с тревогой, а красавица смотрела на него с тысячей слов. Лэ Юй положил руку на меч и сказал:

— Я не верю, что судьба мира зависит от одного человека. — Мастер, вы не сможете спасти

меня.

Они стояли друг против друга, когда внезапно с нижней части горы раздался крик ужаса. Лэ Юй, как стрела, выпущенная из лука, бросился вниз. Монах также был ошеломлён, его ряса развевалась на ветру, и он почти одновременно с Лэ Юем достиг подножия горы.

Между несколькими соснами, за пределами дома, лежало тело молодой девушки, лет шестнадцати-семнадцати, купленной служанки. Её тело было разорвано, лицо и шея были изрезаны, половина кожи головы была содрана, следы когтей хищника, грудь и живот были разорваны, кишечник вывалился на землю и траву.

Лэ Юй не проронил ни слова, его лицо было бледным, он бросился к Цзи Юйху, которая лежала на земле, её лицо было белым, на щеках были следы слёз и пота, из-под юбки сочилась розовая жидкость. Она схватила рукав Лэ Юя, почти теряя сознание, и прошептала:

— Спаси меня...

Служанки и прислужницы были в шоке, некоторые были на грани безумия. Монах, не стесняясь, нажал на точки, чтобы привести их в чувство. Одна из прислужниц, увидев кровь, закричала и зарыдала:

— Тигр... ужасный тигр! Небеса!

<http://bllate.org/book/15272/1348121>